

Постмодерн как проявление кризиса в бытии человека и общества

Ezri, Grigoriy Konstantinovich

Veröffentlichungsversion / Published Version
Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Ezri, G. K. (2017). Постмодерн как проявление кризиса в бытии человека и общества. *Nauka - rastudent.ru.*, 40(4), 1-10. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-51897-0>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Free Digital Peer Publishing Licence zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Free Digital Peer Publishing Licence. For more Information see:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

«NAUKA- RASTUDENT.RU»

Электронный научно-практический журнал

График выхода: ежемесячно

Языки: русский, английский, немецкий, французский

ISSN: 2311-8814

ЭЛ № ФС 77 - 57839 от 25 апреля 2014 года

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: ИП Козлов П.Е.

Учредитель: Соколова А.С.

Место издания: г. Уфа, Российская Федерация

Прием статей по e-mail: rastudent@yandex.ru

Место издания: г. Уфа, Российская Федерация

Эзри Г.К. Постмодерн как проявление кризиса в бытии человека и общества
// Nauka-rastudent.ru. – 2017. – No. 04 (040) / [Электронный ресурс] – Режим
доступа. – URL: <http://nauka-rastudent.ru/40/4212/>

© Эзри Г.К., 2017

© ИП Козлов П.Е., 2017

УДК 101.1::316 +13

Эзри Григорий Константинович,

магистрант,

Историко-филологический факультет,

*Благовещенский государственный педагогический университет, г.
Благовещенск, РФ*

научный руководитель: Чупров Александр Степанович

доктор философских наук,

профессор кафедры Всеобщей истории, философии и культурологии,

*Благовещенский государственный педагогический университет, г.
Благовещенск, РФ*

Постмодерн как проявление кризиса в бытии человека и общества

Аннотация: В статье рассматривается постмодерн как кризис в бытии человека и общества с точки зрения единства теории и практики. Сравнивается постмодернистское общество с коммунистическим и информационным. Рассматриваются дальнейшие варианты развития, прежде всего, европейского социума с точки зрения источника нового пассионарного толчка: новый этногенез в связи с увеличением числа мигрантов, пассионарный толчок от США, Китая, России, появление новой синкретической религии. Делается вывод о том, что постмодернистское различие и свобода не имеют онтологического характера, являются лишь видимостью. Постмодернистская толерантность является следствием отсутствия онтологической основы постмодернистского сущего.

Ключевые слова: постмодерн, бытие, кризис, человек, толерантность, свобода, дискриминация.

Ezri Grigoriy Konstantinovich,

undergraduate,

Faculty of History and Philology,

*State Pedagogical University of Blagoveshchensk
Blagoveshchensk, Russian Federation*

research manager: Chuprov Alexander Stepanovich,

doctor of philosophy, professor of Department of World history, philosophy and culture,

*State Pedagogical University of Blagoveshchensk
Blagoveshchensk, Russian Federation*

Postmodern as a manifestation of the crisis in the being of man and society

Abstract: The article examines postmodern as the crisis in the being of human and society in terms of the unity of theory and practice. There is compares postmodern society with the communist and information. There is analysis some variants of development, especially European society in terms of a new source of passionate impulse: new ethno genesis in connection with the increase in the number of migrants, passionate impetus from the US, China, Russia, emergence of a new syncretic religion. The conclusion is that the difference between the postmodern and the freedom not to have an ontological character are only apparent. Postmodern tolerance is a consequence of the absence of ontological foundation of postmodern existence.

Keywords: postmodernity, being, crisis, person, tolerance, freedom, discrimination.

Слово «постмодерн» состоит из двух частей: «пост» и «модерн». То есть уже на уровне языка подразумевается, что это философия и эпоха, которая следует вслед за современной. Современность (модерн) предполагает по марксистской интерпретации капиталистическое общество, по цивилизационной – индустриальное. За современной эпохой должна последовать капиталистическая или постиндустриальная (информационная).

Начало новой эпохи всегда носит кризисный характер. С точки зрения марксизма для перехода от одной стадии к другой требуется революция. Например, Великая французская революция знаменовала собой приход капитализма, а Великая октябрьская социалистическая – социализма как переходного этапа к коммунизму. Это связано с надломом старой культуры и приходом новой. Адаптация к становящемуся новому всегда болезненна.

Постмодерн, коммунизм и информационное общество не являются тождественными понятиями. Во-первых, отличен критерий именования общества. Постмодерн – это противостояние модерну, классике (*культурно-философский критерий*). Коммунизм – это противопоставление капитализму, т.е. буржуазному обществу с экономической эксплуатацией и угнетением (*социально-экономический критерий*). Информационное общество противостоит обществу индустриальному, техника – знанию (*техно-сциентистский критерий*).

Во-вторых, понятия не тождественны по совокупности описываемых ими явлений. Хотя, с одной стороны, постмодерн явился своеобразным продолжением и развитием коммунистического проекта К. Маркса. В этом смысле постмодерн выступает неомарксистским проектом. Неомарксизм

продолжил развитие марксистской идеи эксплуатации. Для К. Маркса эксплуатация носила только экономический характер. И заключалась в отчуждении прибавочного продукта и труде на доход частных собственников. Марксизм считал злом частную собственность.

С точки зрения неомарксизма, с другой стороны, т.к. это отличает постмодерн и коммунизм, эксплуатация может быть не только экономической. С точки зрения марксизма человек, отчуждаясь от результатов своего труда, отчуждается от самого себя. И, как отмечал Э. Фромм, характер человека и общественная система приобретают *рыночную ориентацию*, т.е. человека и оценивают только с точки зрения того, что ему принадлежит. К тому, что может принадлежать человеку, немецко-американский психоаналитик относил не только материальные вещи, но и необходимые трудовые знания, умения, навыки, а также необходимые для рынка психологические черты личности [14].

Хотя говорить о человеке как о личности в контексте рынка и конкуренции не представляется возможным, т.к. видимость, порождаемая рынком, оставляет от человека лишь набор его собственности, а человеческая личность и, даже, вероятно, точнее, дух, душа, сознание, внутренний мир человека остаются за пределами видимости. Если бы неомарксистский анализ остановился на этом месте, сделав вывод о необходимости уничтожения частной собственности, чтобы человек не отчуждался от своей личности, то это бы соответствовало марксистской идеи о необходимости воспитания нового человека для коммунистической эпохи. Но неомарксизм пошел дальше, опираясь на труды франкфуртской школы, скрестившей марксизм с фрейдизмом.

Работа Г. Маркузе «Эрос и цивилизация» [13], как представляется, во многом предвосхитила работу Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» [4]. Предвосхитила тем, что показала ведущую роль Эрос не только в индивидуальной человеческой жизни, но и всего общества и цивилизации в целом, описала общество со свободным Эросом (предвосхищение шизоанализа). Конечно, у Маркузе нет и намека ни на термин, ни на принципы шизоанализа. Маркузе скорее предвосхитил практику, чем теорию.

Кроме того, гомосексуальность он связал с более совершенным Эросом: «Классическая традиция связывает Орфея с возникновением гомосексуальности. Как и Нарцисс, он отвергает нормальный Эрос, но не ради аскетического идеала, а ради более совершенного Эроса. Как и Нарцисс,

он выражает протест против репрессивного порядка сексуальности, ограниченной деторождением. Эрос Орфея и Нарцисса — это в конечном итоге отрицание этого порядка, Великий Отказ» [13, с. 85]. Деррида и Гваттари отметили, что «Шизоанализ — это переменный анализ n полов в одном субъекте, отстраняющийся от антропоморфного представления о собственной сексуальности, навязываемого ему обществом и составляемого им самим. Первая шизоаналитическая формула желающей революции выглядит так: каждому — по собственному многообразию полов» [4, с. 466].

Также, данную формулировку в параграфе «Проблема Эдипа» французские философы дополнили тезисом о двух вариантах гомосексуальности — эдиповой и неэдиповой. Эдиповая является репрессивной, т.к. в таком случае гомосексуальность репрессирована отношением к отцу и матери, а также страхом кастрации. Неэдипова гомосексуальность не репрессивна, т.к. в таком случае, как считали французские философы, проблемы половой ориентации не существует вообще, потому что половой ориентации в таком (неэдиповом) случае не существует в принципе [4, с. 82-89].

Легализация однополых браков и право усыновлять детей такими семьями была одним из предвыборных обещаний президента Франции социалиста Ф. Оланда во время его предвыборной кампании. Свое обещание он сдержал. Во многих странах Европы и США существуют подобные законы. Так политическая практика ликвидировала один из видов репрессии, а, значит, эксплуатации, отмеченный неомарксизмом.

Другая сторона множественности полов — это возможность выбора пола. Практика повседневной жизни дает такую возможность: пол можно изменить не только культурно, но и хирургически. Вторая сторона множественности полов заключается в том, что именовать женщину женщиной значит эксплуатировать и репрессировать ее. Лингвистический поворот в философии чрезвычайно осложнил данную проблему. До начала анализа языка в общемировых масштабах суфражистки добились уравнивания женщин в правах с мужчинами. Французский социолог П. Бурдьё в работе «Мужское господство» подробно объяснил сущность мужского господства на уровне языка, культуры и соматизации и проанализировал социальное конструирование пола [2], тем самым показав роль лингвистического и культурного анализа в гендерных исследованиях.

Вот таким образом неомарксизм и политическая практика пытаются решить проблему эксплуатации, репрессии и отчуждения. Конечно, в

демократическом обществе любой человек имеет право считать себя кем и чем угодно. Но проблема заключается в другой: способность выборности пола решить проблему отчуждения человека от самого себя. С одной стороны, да, т.к. человек выберет как думает и как чувствует. Но в таком случае тоже сложатся стереотипы поведения и возникнет новый способ конструирования социального пола, а, значит, отличить того, кто сделал выбор свободно от того, кто сделал выбор под влиянием культурной среды, станет невозможно. Гетеросексуальность окажется под репрессией.

С другой стороны, нет, т.к. выборность пола способна увести человека от своего тела и своих половых особенностей. С такой позиции можно трактовать противопоставление природы и культуры в работе Ж. Деррида «О грамматологии» [5], хотя до конца не ясно, что такое природа и как она связана с чувствами и ощущениями. Вообще значительное внимание постмодерна к чувствам и ощущениям человека делает понятие «природа» крайне неустойчивым: либо оно сводится к биологии как объективной данности, либо к субъективному переживанию биологии. В таком случае получается, что с объективной точки зрения выборность пола отчуждает от биологического тела, а субъективной точки зрения входит в состояние гармонии с собой.

Различие субъективного и объективного в данном щепетильном вопросе делает применение диалектики к нему проблематичным, т.к. диалектика по своей природе объективна, а защита подобного рода прав субъективна. Диалектика в силу своего объективного характера действительно не допускает многообразия полов и выборности полов. Учитывая, что возвращение на новом уровне приходит к отрицаемому, с диалектической точки зрения «третий пол» невозможен, хотя и допустим и приемлем с точки зрения общественной практики стран Запада.

Однако же, диалектическое снятие субъективного момента не означает его растворения. Диалектика лишь репрезентирует место каждого феномена. В этом смысле диалектика субъективна. Значит диалектика и объективна, и субъективна, что означает верность ее выводов. Диалектическое отрицание мужчины женщиной не сделает мужчину женщиной, а отрицание женщины мужчиной не сделает женщину мужчиной. Такого рода диалектическое отрицание скорее приведет к элементарному взаимопониманию между полами.

Такого рода диалектический синтез описан К.Г. Юнгом. По его мнению, в подсознании мужчины есть анима (образ женщины), а женщины –

анимус (образ мужчины) как элементы коллективного бессознательного (архетипы) [16, с. 304-326, 383-410]. К тому же в организме мужчины есть женские половые гормоны в незначительных дозах, женщины – мужские, но это не делает мужчину женщиной, а женщину мужчиной. Диалектика не способна смешивать в равных пропорциях, оно лишь постулирует движение и развитие. Но также нельзя диалектически постулировать иерархией взаимоотношений мужчин и женщин: мужчины и женщина равны как люди, но различны с биологической точки зрения, а из этого различия следует различие функций, которое не уничтожает равенства мужчины и женщины как людей.

Единственный способ отчуждения женщины своей природы замена натурального способа деторождения техногенным, т.е. выращиванием эмбрионов в течение 9 месяцев не в организме женщины, а в специальных камерах. Рожать или не рожать – это, безусловно, выбор женщины, но специально сконструированные камеры могут явиться способом отчуждения женщины как женщины. Такой искусственный способ деторождения в сочетании с полной заменой человеческого труда трудом роботов естественным образом разорвал бы все культурные представления о поле. Хотя, даже при всем при этом, физиологическое отличие мужчин и женщин не устранимо само по себе. Можно изменить культурные представления без вмешательства в природу человека, но создание людей «третьего пола» во всемирном масштабе – это скорее генетический проект. Правда, такой проект по переустройству природы человека выглядит подлинно фашистским, т.к. фактически предполагает выведение нового вида людей с заранее заданными характеристиками.

Проблема постмодерна именно в ультралиберальном подходе: его заявления о борьбе с фашизмом оборачиваются против него самого, т.к. отрицание он не может удержать. Отрицание фашизма постмодерном может привести к возврату к фашизму на новом диалектическом уровне. У постмодерна нет инструментов анализа и сдерживания фашизма, ведь запрет чего-либо, в т.ч. и фашизма, по постмодернистской логике, тоже фашизм. Проблема постмодерна еще и в том, что он не может отличить фашизм от выражения консервативного мнения. Попытка удержать свободу ведет к диктатуре и дурной бесконечности свободы-диктатуры, указание границ свободы диалектически приводит к ее становлению.

Таким образом, постмодерн и коммунизм различаются между собой по сущности эксплуатации с которой они борются: постмодерн борется с

культурной эксплуатацией, а коммунизм с экономической. Для К. Маркса не могла стоять культурная эксплуатация как главная проблема, т.к. культура детерминирована экономикой, поэтому с изменением экономики меняется культура. Господство одного над другим с марксистской точки зрения определяется наличием частной собственности, а не сложившимися культурными стереотипами. Изменения базиса изменяют надстройку. Не имеет смысла бороться только с проявлениями эксплуатации, необходимо лишь уничтожить эксплуатацию, и она исчезнет. Кроме того, постмодерн стремится заменить один вид культурного отчуждения на другой, подменяя природу постмодернистской культурой и шизоанализом. Отсюда и невозможность постмодерна обеспечить свободу.

Постмодерн не совсем похож и на информационное общество. Конечно, два типа общества не являются индустриальными. И оба общества постулируют всеобщую связь: первое через ризому, второе через информационные компьютерные сети. Но информации требуется разум для обработки и восприятия. Компьютерный и человеческий разум одновременно. Постмодерн выступил в качестве антирациональной философии, т.к. разум подавляет свободу. Уничтожение разума сделает невозможной жизнь людей на цивилизованном уровне, вернется допервобытная эпоха с восприятием обезьяноподобных предков человека. Хотя предки человека были хоть и неразумными, но все же существами коллективными, а, значит, существовали нормы, структурировавшие коллектив.

Чтобы сохранить цивилизованность, необходимо сохранить и разум. В таком случае придется выстраивать общество и государство по советам Г. Маркузе из работы «Эрос и цивилизация». В такой ситуации придется сократить удовлетворение всех потребностей, кроме Эроса. Необходимо сократить рабочий и производить меньше [13]. Возможно, конечно, это сократит потребление, но уничтожит существующего типа общества. Политическая и общественная практика стран Запада стремится к этому, но экономические кризисы, проблемы мешают этому. Верным было бы отметить также, что на недавнем референдуме в Швейцарии люди высказались против введения пособий всем швейцарцам просто за сам факт того, что они граждане этой страны. Но люди отказались от пособий, т.к. посчитали, что бюджет их государства с этим не справится. То есть главенствующая проблема — недостаток денежных ресурсов. Однако стремление не означает, что на практике получается именно так. Конечно,

пособия по безработице в обеспеченных странах Запада выше, чем в России, но люди предпочитают работать и зарабатывать мало, чем вести паразитический образ жизни. На пособия больше рассчитывают трудовые мигранты.

В этом смысле постмодерн как философия может выступать лишь как идеал для части населения нашей планеты, и в таком случае он неминуемо попадет под действие диалектики должного и сущего: на практике до конца он никогда не сможет воплотиться. Можно узаконить выборность пола и его множественность, можно сократить рабочий день и уменьшить удовлетворение потребностей, возможно даже вывести людей ученых на периферию общества, отчасти люмпенизировать их, указав на их несоответствие духу времени. Но строить общество без ученых не получится, ведь кому-то необходимо поддерживать существование высокотехнологической инфраструктуры, создавать что-то новое, отвечать за постмодернистскую идеологию и ее пропаганду.

Пусть ученые и не будут управлять (в смысле властвовать) как в идеальном государстве Платона, но без их координирующей роли общество существовать не сможет. Этим определяется зависимость постмодернистского общества от информационного общества. В конечном счете, постмодернистское общество в таком случае все равно останется обществом частной собственности и рынка, произойдут лишь изменения в надстройке. Базис останется нетронутым, а, значит, надстройка будет соответствовать ему. В данном аспекте постмодерн коммунизмом стать не сможет. Постмодерн лишь содержит некоторые аспекты коммунизма и информационного общества.

Важной чертой постмодерна является его неустойчивость, т.к. он стремится сочетать в себе множество порядков, которые антагонистичны друг другу. Сочетать антагонистичные порядки невозможно: либо порядки отчуждаются от себя (сохраняется имя, но теряется сущность), либо антагонистические порядки приходят в соприкосновение и между ними начинается борьба (при чем, если по «правилам», то какие-то порядки уже отчуждаются от самих себя).

Неустойчивость и неполная ясность будущего (возможность множества альтернатив) – неотъемлемая черта переходная периода. Христианская культура Европы в кризисе. Но это кризис именно Старого света. Альтернатив будущего множество. Возможно привести в рамках статьи лишь несколько.

Европе необходим «пассионарный толчок» (в терминах Гумилева). «Пассионарности» больше в мусульманском мире (в Европе растет число мигрантов-мусульман), у США (США в качестве страны будущего выделял Г.В.Ф. Гегель), у России (российско-сибирскую цивилизацию в качестве цивилизации будущего выделял О. Шпенглер), у Китая (согласно теории исторических мегациклов циклов Запад-Восток, сейчас исторически лидирующая роль возвращается на Восток), Европа может выйти самостоятельно, или с минимальной помощью других, из сложившегося кризиса (А. Тойнби считал, что гибель западной цивилизации приведет к появлению новой синкретической религии; П. Сорокин считал, что наступает период идеационной культуры).

Первая альтернатива связаны с тем, что в поисках лучшей жизни в Европу приезжает множество мигрантов-мусульман, которые привыкли к своей традиционной жизни и не хотят адаптироваться к жизни в новой культурной среде. Не желая адаптироваться, они требуют защиты своих прав, чего и добиваются от европейцев, которые терпимы до капитуляции. Часть европейцев считает, что так они помогают мигрантам, и, что их необходимо терпеть, потому что пытаться их изменить или призвать к порядку – это нацизм, фашизм. Сохранение черт традиционности и наличие террористов среди мигрантов показывает сохранение большей пассионарности у них, чем у европейцев, что может привести (пока что) в отдаленном будущем к захвату власти мигрантами и их потомками.

Европа окончательно попала в орбиту влияния США вместе с образованием НАТО и кредитами по плану Маршалла. Сейчас США добиваются заключения выгодного для себя торгового соглашения с Европейским союзом. ЕС пока что противится. Перспектива Европы в данном направлении, конечно, не прямо стать частью США, а быть полностью экономически и политически подчиненным Североамериканскому государству. В таком случае от европейской культуры мало что останется, усилится тенденция на американизацию. Европа разделит судьбу Греции на рубеже эр, когда Эллада стала римской провинцией после победы над всеми эллинистическими государствами.

Сейчас происходит рост экономического, политического влияния Китая и рост его престижа. В отличие от США Китай не осуществляет экспорт своей культуры. Китайцев, конечно, больше, чем европейцев и американцев вместе взятых, и в Европе и США есть чайнотауны, но китайцев не хватит, чтобы передать пассионарный толчок Европе, экономических

ресурсов Китая может со временем хватить, чтобы занять видное место в европейской экономике.

В связи с кризисами на Украине и в Сирии отношения между Европой и Россией сократились, но отношения носили экономико-политический характер, а культурное взаимодействие шло слабо: Россия либо заимствовало из Европы культурную моду, либо боролась с влиянием Запада. Между Россией и Западом скорее наблюдается культурный конфликт: то ли Россия отстает от Европы, то ли пытается сохранить свою самобытность. Но, при этом, некоторые националистические и евроскептические партии в Европы относятся к России несколько более лояльно, чем либералы и социал-демократы неомарксистского толка.

Гораздо более возможный вариант, чем усиление культурного влияния России или Китая на Европу, создание новой синкретической религии. Действительно, возможно, это будет новая идеационная культура, но не христианская, на что надеялся П. Сорокин. Возврат к христианству невозможен даже по христианской логике, которая предполагает постхристианскую эпоху, подготавливающую приход Антихриста и Второе пришествие Господа Иисуса Христа. Влияние различных околехристианских сект, а также рериховцев, буддизма, становление New Age в данном контексте анализировал, например, дьякон А. Кураев, написавший множество полемической литературы на данную тему [6; 7; 8; 9; 10]. Безусловно, новая религия могла бы сплотить европейцев.

Появление новой синкретической религии возможно как с влиянием США, где могут зародиться ее истоки (в США множество религиозных движений, например Церковь Религиозной Науки, пастором которой является известный по всему миру психолог Луиза Хей). Наличие большого количества мусульман на данный момент тоже не мешает Европе создавать свою новую синкретическую религию, которая должна быть крайне либеральна по своему настрою, как отмечал дьякон А. Кураев, ко многим религиям, кроме христианства. Влияние же России в Европе связывается с традиционными ценностями и христианской культурой. В культурном смысле влияние России на Европу носит раскалывающий характер.

Глубокий анализ постмодернистской философии и ее истоков с марксистской точки зрения представлен в статье академика и д.ф.н. К.Н. Любутина и к.ф.н. П.Н. Кондрашова «Социальные основания постмодерна: попытка марксистского анализа» [11]. По их мнению, социально-экономическая основа постмодернизма заключается в глобализации и

увеличении количества Транснациональных корпораций (ТНК), которым для поддержания своего господства необходима данная философия. Такая философия призвана отвлечь население от революционной борьбы, т.к. размываются понятия «собственность» и «собственник», «наемный рабочий» и «совладелец».

Другая проблема Европы и США – демографический кризис, т.к. женщины стремятся к карьере, а не рождению и воспитанию детей. Капитализм теряет структуру, исчезает как таковой его «центр». Укоренились «счастливое сознание», «репрессивная толерантность» и потребительство. Экономика превратилась лишь в знаки, видимость – «символический обмен». Виртуализация привела к видимости, иллюзии смерти автора и субъекта.

Такая философия была создана леворадикальной творческой интеллигенцией, которая была оторвана от реальности и потому воспринимающая жизнь как текст. Проблема в том, что за абстрактными терминами скрываются живые люди, реальные производители, а постмодернистская философия к их реальной, действительной жизни никакого отношения не имеет. Но, как отметили ученые, постмодернистская философия показывает также и разочарование в идеологии индустриального общества, чувство экзистенциальной неуверенности и кризиса [11].

Советский ученый Л.Н. Гумилев видел причины кризиса Европы в другом. Согласно его теории этногенеза, современный европейский суперэтнос находится либо уже находится на стадии обскурации, либо переходит к данной стадии от инерции. В Европе царит внешнее благополучие, идет стремление к росту материального благосостояния и защите прав человека, но господствуют потребительские ценности и сокращается число пассионариев [3]. Во Вторую Мировую войну в Европе было большое количество пассионариев (Гитлер, Шарль де Голль, Сталин, Черчилль и т.д.). Но они сошли с исторической сцены сразу после окончания войны либо через несколько лет после ее конца (Гитлер застрелился в 1945 году, Сталин умер в 1953 году, президентская республика с Шарлем де Голлем во главе во Франции не прижилась). После второй мировой войны началось накопление материального богатства и развитие толерантности и пассивности, что заметил еще Ф. Ницше.

Во многом нынешняя эпоха Европы похожа на период Поздней Римской империи. Увеличение числа мигрантов, которые стремятся жить по своим законам и обычаям, расширять федеративное государство дальше

некуда, а Британия покидает единое государство, непосредственно за пределами государства находятся ассоциированные и зависимые страны в качестве «санитарного кордона» от сильного государства (Парфия или Персия, Россия). Внутри государства нет согласия между политическими элитами субъектов, у титульного населения падает рождаемость, замедление экономики, ослабление армии. Существует ощущение кризиса и переломности происходящего. Появляются философские учения, направленные на отстранение от реального мира: либо ориентация на материальные и эротические ценности, либо отстранение от всего, либо уход в мир грез и фантазий. Выход из сложившейся ситуации – новая система ценностей.

Действительно, современная Европа – регион контрастов. Во Франции соседствуют революционный настрой и нежелание менять экономический базис в лице уничтожения частной собственности в левой среде. Основные усилия сосредоточены на борьбе за права человека и улучшение материальных условий жизни. В науке господствуют позитивистский и археологические подходы, т.е. упор не на создание больших теорий, а на обобщение эмпирических фактов, анализ уже существующих теорий.

Все большую роль играют гомосексуальные отношения и стремление женщин стать мужчинами, происходит отчуждение женщин как женщин. Конечно, гомосексуальные отношения и другие извращения (извращения с точки зрения классической эпохи) не считались нормой со времен Античности, в период которой это считалось нормой как в Греции и Риме, так и на Ближнем Востоке (достаточно вспомнить Садом и Гоморру). Извращения сопутствовали эпохи модерна, ярким примером чему стал садизм маркиза де Сада. Хотя христианская эпоха не считала такие извращения нормой, они существовали, но находились под идеологическим и культурным запретом.

Однако, сегодняшнее возвращение к нормальности гомосексуализма – это не ренессанс Античных представлений. Для Античности гомосексуализм был развлечением, не более того. Мужья надеялись получить детей от своих жен, выполнив, тем самым, свой человеческий долг. Современная идея гомосексуализма, как она закреплена в идеологии шизоанализа, это отчуждение человека от его природного пола, попираание его свободного выбора. Постмодерн утверждает многообразие полов в каждом человеке. Исключение, как говорится, подтверждает правило. Малое число гомосексуалистов (если выбор ими своей ориентации был действительно

свободен, хотя гомосексуализм не нормален с точки зрения традиционных ценностей), лишь подтверждает нормальность гетеросексуальных отношений.

Многообразие полов устраняет понятия гетеросексуальные отношения как таковые. Эротические отношения превращаются лишь в способ общения между людьми и удовлетворение потребностей. Эротические отношения перестают быть способом размножения. Эротические отношения постулируются жесткой необходимостью, а аскетические идеалы жестко попираются. Над аскетизмом смеялись еще Фейербах и Ницше, но даже Фрейд не удалось перейти границу (как отмечал Фромм, Фрейд воспринимал Эрос как объект изучения и не более того [14, с. 80]). Постмодерн переходит границу и стремится эротизировать массы насильно.

Постмодерн явился показателем глубокого кризиса христианской и рациональной культуры (кризис Античного Логоса – Единого – Первоначала – Блага – Абсолютной идеи). Еще со времен французских энциклопедистов и Великой французской революции стало модным смеяться над христианством. Эстафету подхватили Ницше, Шопенгауэр, Маркс и их последователи. В моду вошел нигилизм и принцип «моя хата с краю – ничего не знаю». Постмодерн расширил критику христианства критикой рациональной философии, сопряженной со стремлением избавиться от разума, рациональности в пользу чувственности и инстинктивности.

В политической практике идеология постмодерна ведет к показной толерантности и показной заботе о голодающих жителях Африки. Стремление создать красивую картинку вредно как в отношении толерантности, так и в отношении патриотизма. Ура-патриотизм и показная толерантность создают лишь иллюзию единства общества, а на самом деле общество продолжает быть расколотым. Патриотов не становится больше, как и людей с многообразием полов. Устраиваются сборы средств для голодающих, но в тоже время неподалеку от голодающих районов создается гуманитарная продукция, а излишки продукции уничтожаются для поддержания приемлемых цен. Конечно, производителей продукции тоже можно понять: им тоже необходимо на что-то жить, чтобы самим не превратиться в голодающих.

Это недостатки капитализма. Но лучшей экономической системы, поддерживающей свободу в обществе, на сегодняшний день просто нет. Но капитализм всего лишь экономическая система, базис общества. Политика является главенствующей в надстройке. Конечно, капитализм детерминирует

либеральную политическую систему, а в обществе конкуренцию между людьми. Но правила этой конкуренции определяют люди. И в этом смысле капитализм не помеха хотя бы тому, чтобы быть честным. В конечном счете, чтобы все находились в равных условиях, конкуренция должна быть честной, учитывающей личный вклад каждого в процветание государства и общества, его личные морально-нравственные качества.

М. Хайдеггер исследовал вопрошание и его структуру. В структуру вопрошания входят три компонента: спрошенное (содержание вопроса), опрашиваемое (к кому или чему направлен вопрос), выпрашиваемое (ожидаемый ответ) [15, с. 9-15]. Вопрошание неминуемо связано с мышлением и бытием. Вопрошание раскрывает бытие как диалогичность, как со-бытие, как взаимоотношения Я и не-Я, Я и Другого. В рамках постмодернистской философии не существует со-бытия и диалога. Стало быть, постмодерн не способен задавать вопросы, спрашивать, вопрошать.

Постмодерн интересуется разве что ответ на вопрос о том, как не вопрошать вовсе. Парадоксом этого вопроса является отсутствие опрашиваемого и выпрашиваемого, т.к. при таком подходе невозможно получить ответ на вопрос. Ответом на вопрос может быть лишь молчание. Ответ – молчание не как полученный ответ, а, наоборот, как отсутствие ответа. Молчание, безмолвие, и, кроме этого, у постмодерна нет ничего. Логос и Phone вынуждены не просто замолчать, а исчезнуть, чтобы даже не своим присутствием или наличием, а своим следом не вызывать неприязни у кого-либо. Лишь молчание сохраняет толерантность.

Это молчание – это даже не сохранение своей внутренней реальности в духе работы Деррида «О грамматологии» [5] и тем более не священное безмолвие восточных отцов, последователей исихаста Григорий Паламы в его «умном делании». Самость как внутренняя реальность без следов во внешнем мире – это предел терпения со стороны постмодерна человеческой личности. Естественный идеал постмодерна – растворение в ничто. Другого не остается, когда исчезает бытие. Остается лишь жизнь в мире симулякров. Восточные отцы стремились приобщиться к Логосу, Бытию, Энергии. Стремление к Бытию – это стремление всей классической философии (хоть материалистической, хоть идеалистической). Классика стремилась к несокрытой истине. Постмодерн дает лишь иллюзию, после ухода которой ничего не остается (как в истории про Пифию, предсказавшую приход

неизвестного Бога – Иисуса Христа). Пифия открыла сакральные двери в языческом храме в скале. За дверьми должен был быть секрет богов. Но за ними было лишь разочарование – просто горная порода [1, с. 307-329].

Таким образом, эпоха постмодерна является кризисной эпохой. Однако ценности, которая она привносит в общечеловеческую культуру, сохраняются и в будущем. Но их значение может быть преуменьшено, если мигранты из стран Африки и Ближнего Востока сумеют запустить в Европе процесс нового этногенеза.

Большой проблемой свободы современного общества, ее парадоксом является то, что радикальные группы, пользуясь ею, могут ее уничтожить. Конечно, Г. Маркузе выдвинул вполне естественную идею: положительная дискриминация вместо негативной (дискриминация ради поддержания многообразия, свободы) [12, с. 98-135]. Однако, в таком случае, охрана свободы приводит к ее утрате. Но, в свою очередь, отсутствие ее охраны тоже ведет к ее утрате. Проблема кажется неразрешимой.

Явно, что от постмодерна ждут позитивной свободы (в терминологии Э. Фромма), однако на практике доминирует негативная свобода. Сторонники постмодерна стремятся к освобождению от всего, даже от своей человечности. Конечно, постмодерн защищает свободу творчества, но защищает от всех ограничений, дискриминируя представителей современной культуры. Один объект дискриминации заменяется другим. Конечно, может быть о конце дискриминации однажды и заявят, но это будет концом и дискриминируемого объекта. Традиция в таком случае будет сдана в музей истории и превратится лишь в воспоминание. Это воспоминание вряд ли будет со-бытием, с историей не возможен будет диалог.

Диалог будет не возможен не потому, что исчезнут носители традиции, а потому что традиция является чуждой постмодерну, постмодерн стремится избавиться от нее, превратив ее в «дурной сон». И не важно, что останется в воспоминании: традиции такой, какой она была, либо ее симулякр. Постмодернистская свобода неминуемо требует деконструкции, а затем и деструкции рационализма и традиционных корней Европы.

Появление новой синкретической религии, даже при сохранении обрядности, иерархий действующих церквей, вероучительных особенностей, прав собственности на церковные капиталы будет означать окончательное проявление современных толерантных представлений в среде религий.

Конечно, веротерпимость была, есть и будет основой мирной жизни представителей всех религиозных конфессий, но не имеет никакого смысла сводить догматику всех религий к общему знаменателю и утверждать, что они учат одному и тому же. Действительно, нормы поведения часто и во многом совпадают, но онтологические, гносеологические, антропологические, социально-философские и иные аспекты отличаются.

Толерантность требует признания внешнего различия, внутренне различие отпадает, т.к. постмодернистская философия не признает содержания, не признает бытия. Постмодернистское сущее являет себя через различие, а не через свое существование, свое бытие. Сущее классической философии являет себе через утверждение себя в качестве сущесъствующего, в качестве бытийствующего. Классическое сущее различие по существу, а, отсюда, по внешности. Постмодернистское сущее различается лишь в видимости, и оно действительно не имеет онтологического различия. Только онтологическое различие может явить себя как подлинное различия, уравнивая все сущее как бытийствующее и существующее, а не как отсутствующее.

Постмодерн, стало быть, это очередное переиздание философии Ничто, философии антирационализма и низвержения человека как человека и как личности. Человек сохраняет лишь индивидуальность, свою отличность от других, которая детерминирована лишь внешними эффектами. Индивидуальность явлена будто бы случайным образом, как кажимость различия. Человек как человек лишается остатков свободы рациональной, которая по большей части свобода позитивная, и приобретает свободу негативную. Позитивная свобода утверждается через диалектический синтез путем сохранения свободы от тирании. Свобода диалектически связана с тиранией. Тирания исчезает, когда субъект осознает необходимость. Негативная свобода является попыткой уничтожения тирании и необходимости. При этом теряется осознанность и свобода, остается лишь ничто, именуемое свободой и спонтанностью, которое к действительной, диалектической свободе никакого отношения не имеет.

Список литературы:

1. Агранович, С.З., Березин, С.В. Homo amphiboles: Археология сознания. Самара: Издательский Дом «БАХРАН-М», 2005. 344 с.
2. Бурдьё, П. Мужское господство. <http://bourdieu.name/files/domination.pdf> (дата обращения 25.10.16).

3. Гумилев, Л. Этногенез и биосфера Земли. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: https://vk.com/doc109542157_304530328?hash=7f157c8fff6953919b&dl=428a5645ce0f8827a1 (дата обращения 25.10.16).
4. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
5. Деррида, Ж. О грамматологии. Пер. с фр. и вступ. статья Н. Автономовой. Изд-во "Ad Margilem". Москва, 2000. 513 с.
6. Кураев, А, дьякон. Второе пришествие апокрифов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://www.klex.ru/a1d>
7. Кураев, А, дьякон. Вызов экуменизма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://www.klex.ru/4hw> (дата обращения 25.10.16).
8. Кураев, А, дьякон. Дары и анафемы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://www.klex.ru/57k> (дата обращения 25.10.16).
9. Кураев, А, дьякон. Кто послал Блаватскую? [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://www.klex.ru/1qi> (дата обращения 25.10.16).
10. Кураев, А, дьякон. Сатанизм для интеллигенции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://www.klex.ru/57v> (дата обращения 25.10.16).
11. Любутин, К.Н., Кондрашев, П.Н. Социальные основания постмодернизма: попытка марксистского анализа. <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-osnovaniya-postmodernizma-popytka-marksistskogo-analiza> (дата обращения 25.10.16).
12. Маркузе, Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. Пер. с англ. АА Юдина. М.: АСТ: Астрель, 2011. с. 382.
13. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина. Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М, Изд-во «АСТ», 2002. 526, [2] с.
14. Фромм, Э. Забытый язык. Иметь или быть?: [пер. с нем. и англ.] / Эрих Фромм. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 442, [6] с.

15. Хайдеггер, М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503, [9] с.
16. Юнг, К.Г. Аналитическая психология и психотерапия: хрестоматия. Сост. В. М. Лейбин. — СПб.: Питер, 2001. 512 с.: ил. (Серия «Хрестоматия»).

© Эзри Г.К., 2017

Дата публикации: 30.04.2017